

Так, Г. Франтца в своей „Хронике“ пишет: „Я слышал, что как в древности Ассирийское царство разрушено Вавилонянами, Вавилонское Персами, Персидское Македонянами, Македонское Римлянами, так и Римская империя (в данном случае Византийская, — М.С.) будет разрушена Оттоманами; но и их конец придет в назначенное время“.¹ Здесь же у Г. Франтцы мы находим любопытное свидетельство о том, что и народ в Византии придерживался аналогичных взглядов на историческую судьбу своей родины, правда, облекая свои чаяния и ожидания в формы более конкретные и определенные, чем ученые и поэты. По словам Г. Франтцы, при взятии Царьграда турками в народе ходила молва, что „их царство будет продолжаться во всей силе и процветании 309 лет, а потом для него настанет 56 лет опасных и тяжелых, так что все время и счастливого и несчастного господства магометан будет равняться 365 годам“.² Но если на протяжении веков менялось представление о порабителе Византии, всегда отражая реальную опасность, то неизменным (по крайней мере с X века) оставалось определение ее освободителя. Это — „русый язык“, т. е. народ („Видения Даниила“), „род русских“ (Григорий Схолярий), причем греки под этим наименованием никогда не имели в виду русский народ.

Всё наиболее популярное из этой легендарно-политической литературы предсказаний о будущей судьбе Царьграда было известно в переводах на Руси в XV веке и раньше. Это — „Видения Даниила“, предсказания патриарха Мефодия, знаменитые комментарии сенатора Григория Схолярия к надписи на крышке гробницы царя Константина Великого, которые Григорий Схолярий написал в 1421 году, и др.

Автор „Истории“ о взятии Царьграда турками был в курсе всей этой литературы. Главное, он глубоко усвоил лежащие в ее основе историко-философские взгляды и мистические настроения греков и с исключительной талантливостью и последовательностью провел их через всё свое произведение, тем самым перенося читателя в тревожную и трагическую обстановку гибели мирового, по средневековым представлениям, города. Он изображает события осады и падения Царьграда в хронологической последовательности; но свое историческое повествование, в фактическом отношении весьма точное, он соединяет с легендарным сюжетом об основании, гибели и возрождении Царьграда. Этот сюжет именно как отдельный, самостоятельно задуманный элемент композиции „Истории“, очень ярко выделяющийся на общем фоне повествования своими специфически легендарными чертами, в основном опирается на греческую литературу предсказаний.

Можно указать основные части этого сюжета.

Во-первых, это мотив о чудесном „знамени“ при основании города, в данном случае — борьба змея и орла при основании Константинополя. Мотив этот известен еще в античном греческом эпосе, но здесь он осмыслен в духе христианской символики: змей — символ магометанства, орел — христианства. Символическая борьба орла со змеем не только предваряет, но и определяет собой всё дальнейшее содержание „Истории“: ею подготавливается повествование о трагическом конце мирового города.

Во-вторых, составной частью этого сюжета является мотив ухода из обреченного на гибель города его патрональной святыни — ангела, изображение которого было в св. Софии. Об атмосферном явлении

¹ Цит. по: М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, стр. 113.

² Там же.